

УДК 81'37
ББК Ш100.2+Ш104

О. Л. Соколова
Екатеринбург, Россия

ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ ВЕЩЕСТВЕННОСТИ

АННОТАЦИЯ. Анализ семантики вещественности в языке позволяет судить о развитии некоторых категорий мышления о когнитивном взаимодействии человека с миром. Многообразие физических объектов представляет собой взаимопроникновение вещества и формы - эти процессы носят универсальный и вневременной характер. Сопоставительные исследования в этой области констатируют больше сходств, чем различий, тем более, если исследуемые языки и культуры относительно близки. Вещественность представляется категорией, существующей исключительно в условиях реального, материального мира одушевленных и неодушевленных, природных или артефактных, дискретных и недискретных объектов. Регулярное переосмысление вещественных существительных вплоть до полной утраты значения вещественности и предметности свидетельствует о разнообразии и противоречивости семантики вещественности в языке. Утрата вещественного, предметного значения происходит тремя способами: метафорический и метонимический перенос значения с вещества на абстрактное понятие; образование названий веществ, отрицающих само понятие вещественности и, как вариант, допускающие антонимическое противопоставление; регулярное или окказиональное образование в языке названий, не существующих в реальном мире веществ. Исследования такого рода позволяют судить об общем и частном в механизмах познания и осмысления человеком окружающей действительности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вещественность, семантика, многозначность, вещественные существительные, сопоставительная семантика.

Сведения об авторе: Соколова Ольга Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университет; адрес: 620219 Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62, к. 519; e-mail : olgalsokol@mail.ru.

O. L. Sokolova
Ekaterinburg, Russia

PARADOX OF MATERIALITY MEANING

ABSTRACT. Analysis of materiality semantics in a language allows judging about development of certain categories of thinking, cognitive interaction between the man and the world. Variety of physical objects represents mutual penetration of substance and its form - these processes are universal regardless of time. Comparative studies in this field establish more similarities than differences especially if languages and cultures are relatively close. Materiality seems to be a category that exists only in real material world of animate and inanimate, natural and artificial, discrete and non-discrete objects. Regular rethinking of material nouns until full loss of materiality and subject meaning shows variety and inconsistency of materiality semantics in a language. Material nouns meaning can be lost in three ways: metaphorical and metonymical transfer of meaning from substance to abstract idea; formation of substance names denying the idea of materiality and, as an option, admitting antonymic contraposition; regular and occasional formation of names for substances that do not exist in real world. Such studies allow judging about general and particular in learning mechanisms and human understanding of the world around.

KEYWORDS: materiality, semantics, polysemy, material nouns, comparative semantics.

About the author: Sokolova Olga Leonidovna, PhD in Philology, Head of Department of Foreign Languages, Ural State Economical University, Ekaterinburg, Russia.

Противоречивость семантики вещественности в языке выглядит в некотором роде парадоксально. Действительно, материя, вещество - это нечто реально и объективно существующее,

осознаемое, фиксируемое органами чувств и измерительными приборами. Характеристики, сущность и формы существования вещества - это проблемы, выходящие за рамки лингви-

стики и рассматриваемые, скорее, в естественных науках, таких как физика, биология, химия. Однако, с лингвистической точки зрения, анализ и сопоставление семантики вещественных существительных, в частности, в русском и французском языках, позволяет нам проследить появление важных в антропологическом смысле мыслительных категорий. «Анализ семантики вещественности в языке позволяет наблюдать, как накапливались знания о мире, как репрезентировались они в языке, как развивался язык под их влиянием. Продуцирование дериватов с вещественной семантикой ведет к закреплению опыта взаимодействия человека с окружающей его объективной реальностью, к отражению коллективного знания о мире, об эволюции Вселенной и самого человека, к отражению в деривационной категории вещественности итогов осмысления мира, состоящего из множества веществ» [Борисова 2009: 25-26].

В философии и обыденном сознании традиционно противопоставляется вещество и вещь. Вещество, субстанция – это объект, лишенный формы. Многообразие объектов реальной действительности порождается соединением вещества и формы. Форма, размеры, количество единиц – эти понятия неприменимы к веществу, они служат для различения предметов. Понятия «вещество» и «вещь» не тождественны. Вещество, в отличие от вещи, не может иметь формы, размеров. Вещество является основой, материей из которой состоят вещи, то есть предметы и изделия. «Никакие деревянные вещи не отличаются друг от друга именно в смысле своей деревянности... Вещество не есть вещь. Чтобы стать вещью, вещество должно оформиться, определиться и организоваться, причем строго определенным образом – в него должна войти форма» [Лосев, 1993: 579].

Помимо этого, вещество отличается от предмета тем, что его нельзя пересчитать количественно, а можно лишь представить по весу, объему, пространству. При нарушении их целостности, вещества, т.е. недискретные объекты, не утрачивают своей сущности, что также отличает их от предметов. Для веществ характерны отношения между целым и частью, а не между единицей и множеством.

Преобразование предмета в вещество возможно, по мнению Ж. Клебера, посредством измельчения предмета *brassage* и превращения его в недискретную субстанцию [Kleiber 1999: 106]. Л.В. Калинина связывает семантику вещественных существительных с философским, естественнонаучным и когнитивным уровнем отражения действительности, противопоставляя существительные, называющие идеальные, умозрительные объекты существительным, называющим предметы материальные и чувственно воспринимаемые. «Это значит, что большинство объектов окружающего мира можно разложить на составные части, пока не останется некая однородная субстанция, «первооснова» – вещество, из которого состоит данная материя. «Разложить на части» можно всё, кроме самого вещества – носителя наиболее важных качественных признаков любого объекта» [Калинина 2009: 244].

Вещества присутствуют повсеместно, поэтому номенклатура вещественных существительных схожа в языках народов, находящихся на приблизительно одинаковом уровне культурно-исторического развития в исследуемый период времени. Вследствие этого, логичным, естественным и универсальным представляется так называемое нестандартное числовое поведение вещественных существительных [Ляшевская 1999: 140], а также их потенциал развития многозначности [Белеева 2000]. Многократно и подробно описанные способы метонимического и метафорического переноса значения вещественных существительных в разных языках (вещество – изделие, процесс – результат и т.д.) подтверждают мысль, что вещество, порождая предметы, остается материальным и объективно существующим в реальности во всех своих проявлениях.

Однако и здесь мы вплотную подходим к парадоксальности значения вещественности, существует как минимум три механизма, при которых значение вещественности/ предметности утрачивается.

Во-первых, случаи метонимического и метафорического переноса значения, при котором вещество становится символом абстрактного понятия или самим абстрактным понятием. В первом случае, это происходит в ре-

зультате выхода на первый план одной из сем, называющих характерный признак вещества. Этот признак затем субстантивируется и становится символом абстрактного понятия. Таким образом, драгоценный металл золото 'or' становится символом высокой ценности и богатства, тяжелый металл свинец 'plomb' – символом тяжести, а телесная плоть 'chair' – символом человеческой природы. Во втором случае, мы имеем дело с лексической метафорой, при которой перенос значения основан на сходных функциях или характеристиках. Таким образом, соль 'sel' может означать нечто, что придает остроту и пикантность; сливки 'crème' – лучшую часть чего-нибудь.

Во-вторых, значение некоторых существительных включает в себе отрицание вещественности и сущности как таковых. Так, например, существительное 'антиматерия' можно считать одним из проявлений энантиосемии [Бродский 2011: 162], т.к. в данном случае речь идет о том, что, во-первых, трудно вообразить, а, во-вторых, значение этой единицы содержит в себе противоречивые, даже взаимоисключающие стороны. То есть, в противопоставление материи, состоящей из частиц, антиматерия является ее противоположностью, состоящей из античастиц 'antimatière est une forme de la matière constituée d'antiparticules, par opposition à la matière ordinaire, constituée de particules' [Larousse].

Поскольку в философских представлениях вещество и материя существуют независимо от сознания, вещественные существительные не должны, по определению, иметь антонимов, ибо, как можно представить существование антивещества? Тем не менее, антонимические оппозиции становятся возможными, если вещественные существительные утрачивают значение вещественности и становятся символами абстрактных и, возможно, противоположных понятий. Так, например, антонимами становятся существительные мед и желчь с следующей фразе: Il avait sa voix de mauvais jours, entre miel et fiel, entre méchanceté et tendresse [Calfan 2000: 114]. Таким образом, несмотря на то, что сама семантика вещественности препятствует созданию антонимических оппозиций, в редких случаях мы наблюдаем противопоставление двух веществ, если в их семантической

структуре присутствуют семы, потенциально сообщающие веществу оценочное значение

«Оппозиции, отражающие подверженные изменениям реалии общественной жизни, как правило, оказываются неустойчивыми, т.к. трансформируются в соответствии с общественно-историческими переменами.

Устойчивость семантических оппозиций определяется, как правило, характером денотата, обладающим прочным оценочным потенциалом, независимым от внешних процессов» [Кулешова 2014: 5].

И, наконец, в-третьих, в речи порой создаются названия несуществующих веществ, при этом цели говорящего могут быть самыми различными. Как правило, это эмоционально окрашенные лексические единицы, которые, несмотря на отсутствие денотата, имеют в своем лексическом значении аффективные (связанные с выражением эмоции или чувства), оценочные (содержащие одобрительную или неодобрительную оценку), экспрессивные (указывает на усиление признаков, входящих в денотативный компонент значения) или эмпирические компоненты. Эмпирический компонент, впрочем, как и все другие компоненты, может быть актуализирован, а может остаться нереализованным в зависимости от цели употребления знака. О наличии эмпирического компонента в значении свидетельствуют словарные дефиниции, содержащие так называемый остенсивный компонент, то есть компонент, который отсылает к впечатлениям (вкус, цвет, запах, звуку, форме и т.д.). [Соколова 2009: 29].

Так, в романе Гийома Мюссо [Musso 2012: 98] для обозначения скверного кофе мы встречаем эмоциональное «jus de chaussette» (сок из носка). В русском языке пример такого несуществующего вещества - выражение «бульон из-под яиц», называющее что-то, требующее труда, но не приносящее никакой выгоды.

Вспомним также названия мифических, сказочных веществ, которым приписывались магические свойства: даровать вечную молодость и бессмертие, служить пищей богам и т.д. (philtre, ambroisie, nectar). Эти существительные, как правило, имеют несколько лексико-семантических вариантов («сказочный» и «реальный»),

что подтверждает наличие в их семантической структуре компонентов, называющих внутренне-присущие и привнесенные извне признаки [Badir 1999: 17].

Таким образом, семантика веще-

ственных существительных, несмотря на кажущуюся очевидность и однозначность, таит в себе интересные противоречия, сообщающие новые сходства и различия в языковых картинах мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белеева И.Д. Сопоставительное исследование русских и французских существительных с развитой многозначностью. Дисс... канд. филолог. наук. - Екатеринбург: изд-во Ур. гос. пед. ун-та, 2000. - 216 с.
2. Борисова Т.Г. Деривационная категория вещественности как средство познания мира. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2009. № 11. с.223-225.
3. Бродский М.Ю. Энантисемия в языке-источнике и перевод (на материале библейских текстов). Дискуссия. 2011. № 10. С. 162-165.
4. Лосев А.Ф. Бытие, имя, космос. М.: Мысль, 1993. - 958 с.
5. Ляшевская О.Н. Нестандартное числовое поведение русских существительных. Дисс... канд. филолог. наук. - М.: изд-во Всероссийского института научной и технической информации, 1999. - 215 с.
6. Калинина Л.В. Существительные конкретные, абстрактные, вещественные и собирательные и их роль в отражении действительности//Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 3. С. 240-247.
7. Кулешова А.В. Категории контраста и оппозиции в лингвистическом анализе. Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (87). С. 4-7.
8. Соколова О.Л. Семантические свойства вещественных существительных в русском и французском языках: моногр./ Уральский гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2009. - 209 с.
9. Badir S. Sème inhérent et sème afférent // Sémantique, interprétation et effets syntaxiques. - Bruxelles: édition De Boeck et Larquier, 1999. - P. 7-28.
10. Calfan N. L'étouffe-coeur. - Paris: Flammarion, 2000. - 201 p.
11. Kleiber G. Problèmes de sémantique. La polysémie en question. - Septentrion: édition Presses universitaires de Septentrion, 1999. - 222 p.
12. Larousse. Dictionnaire de la langue française <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/antimati%C3%A8re/4135?q=antimatier#4124> (датаобращения 14.01.2016)
13. Musso G. Seras-tu là ? - Paris : édition XO, 2012. - 160 p.

LITERATURE

1. Beleeva I.D. Sopostavitel'noe issledovanie russkikh i francuzskih sushhestvitel'nyh s razvitoj mnogoznachnost'ju. Diss... kand. filolog. nauk. - Ekaterinburg: izd-vo Ur. gos. ped. un-ta, 2000. - 216 s.
2. Borisova T.G. Derivacionnaja kategorija veshhestvennosti kak sredstvo poznanija mira. Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2009. № 11. s.223-225.
3. Brodskij M.Ju. Jenantioseemija v jazyke-istochnike i perevod (na materiale biblejskikh tekstov) Diskussija. 2011. № 10 s 162-165.
4. Losev A.F. Bytie, imja, kosmos. M.: Mysl', 1993. - 958 s.
5. Ljashevskaja O.N. Nestandardnoe chislovoe povedenie russkikh sushhestvitel'nyh. Diss... kand. filolog. nauk. - M.: izd-vo Vserossijskogo instituta nauchnoj i tehničeskoj informacii, 1999. - 215 s.
6. Kalinina L.V. Sushhestvitel'nye konkretnye, abstraktnye, veshhestvennye i sobiratel'nye i ih rol' v otrazhenii dejstvitel'nosti//Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2009. T. 151. № 3. S. 240-247.
7. Kuleshova A.V. Kategorii kontrasta i oppozicii v lingvisticheskom analize. Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. 2014. № 2(87). S.4-7.
8. Sokolova O.L. Semanticheskie svojstva veshhestvennyh sushhestvitel'nyh v russkom i francuzskom jazykah: monogr./ Ural'skij gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2009. - 209 s.